

Кинозвезда, но в душе казачка

Я глубоко убеждена — мою сестру Нонну Мордюкову не во ВГИКе научили актерскому мастерству, она с ним родилась. Вспоминаю одну жуткую историю из нашего военного детства. Нонна тоже приводит ее в своей книге, но очень кратко, я же расскажу, как запомнилось мне. Нас в семье было шестеро: два брата и четыре сестры. Мама наша была очень активной: коммунистка, до войны поднимала колхозы, потом в городе Ейске работала секретарем горкома партии.

Когда немцы подошли к Ейску, мама зашила партбилет в юбку, погрузила нас на телегу, и мы поехали куда глаза глядят — прятаться. Но немцы дорогу уже перекрыли и сам город заняли. Была зима, по пути нам встретилась заброшенная маленькая сторожка: открываешь дверь, за ней — комната, и больше ничего. Вокруг стояли амбары с семечками и кукурузой и скирды соломы. Деваться нам было некуда, и мы поселились там. Вскоре и туда пришли немцы. Оставили полицаев, а сами двинулись дальше — завоевывать.

Боялись мы страшно, ведь расстреливали как раз коммунистов, а еще партизан и евреев. Рядом была речка с крутым склоном на другом берегу, и мы не раз видели, как немцы ставили на обрыв целые семьи, расстреливали и тела падали вниз. Были в округе и партизаны, они иногда приходили к нам из леса погреться. Мама как член партии считала своим долгом им помогать. И вот однажды пришли из леса трое. Мама затопила печку соломой, накормила их, напоила. И тут к нашему дому подъезжают полицаи. Один партизан зарылся в семечки, второй спрятался в стог сена, а третий говорит: «Я никуда не пойду, мне снилась церковь, меня все равно убьют». Мама умоляла его: «У меня дети, не губи нас, иди где-нибудь спрячься». — «Нет», — говорит, и все. Отвернулся и лежит. И тут Нонна — ей только 16 лет было, но вот

что значит актриса от Бога! — быстренько надевает пальтишко, выходит на улицу и как будто не замечая, что полицаи вокруг, начинает перекидывать сено вилами, еще и песенку напевает.

В это время полицаи верхом на конях окружают ее. Спрашивают: «Дочка, кто в доме?» А она с наивным и беспечным видом разворачивается к ним и говорит: «Мама и дети, заходите, дядя». При этом достает из кармана семечки и лузгает. А мама нас маленьких в окошечко выставила, как будто мы любопытствуем, что там происходит. При этом только и думаем, что за нами партизан лежит. Тем временем полицаи спрашивают у Нонны: «Чьи это следы на снегу? Кто к вам в дом приходил?» Она абсолютно спокойно отвечает: «А это мы с братом хворост собирали, печку топить». И так это она все убедительно сыграла, что ей поверили и в дом не зашли. Каково ей было в этот момент — даже представить невозможно...

Когда немцев из Ейска вышибли, наша семья вернулась в город. Там все было практически полностью разрушено. Нам отдали чудом сохранившийся купеческий дом на улице Энгельса. С ним связана такая история: когда мы выехали из этого дома, там поселился директор ресторана и начал делать ремонт. При этом в стене нашелся сундучок с кладом. Бывший владелец дома — купец — был репрессирован и погиб в ссылке, а богатства свои успел замуровать. Когда власти узнали про клад, бросились искать, не спрятано ли еще что-нибудь в доме.

В итоге нашли два клада, но дом по кирпичику разбирали, разрушили до основания. Получается, мы сидели на бриллиантах и золоте, а питались при этом одной кукурузной кашей. Первые послевоенные годы были очень голодными. Мы едва сводили концы с концами, так еще и посылали Нонне во ВГИК посылки с кукурузной крупой. Все студенты очень ждали этих посылок, так как тоже голодали. Дошло до того, что Нонна с соседками по общежитию стара-

лись больше лежать, чтоб сэкономить энергию, и съели весь клей на основе крахмала, который им выдали для заклейки на зиму окон.

После войны Нонна сразу поехала поступать во ВГИК. Это ей Сергей Бондарчук посоветовал, он когда-то с Нонной учился в одной школе и вот приехал из института на каникулы, встретил Нонну и говорит: «Поезжай в Москву поступать, только маме не говори». Она и не сказала, мама думала, она в Ростов едет, в педагогический институт. А они с Сергеем после Ростова втихоря сели в товарный вагон и четыре дня тряслись до Москвы. Нонна приехала поступать в одном платишке — «татьянке» (такое с коротенькими рукавичками, пышными, на резиночке), а август в Москве в тот год выдался очень холодным. Первую ночь в столице Нонна ночевала на вокзале.

Во ВГИКе выяснилось, что первые отборочные туры уже закончились, шел третий. О своем поступлении Нонна подробно рассказала сама, так что повторяться не буду, скажу только: ее взяли, потому что талант врожденный.

Со временем, благодаря Нонне, вся наша большая семья перебралась в Москву. Сначала мы с мамой просто приезжали к ним со Славой Тихоновым — они жили тогда на Пироговке в одной комнатке в коммуналке. И Слава, кстати, никогда не был против, чтобы мы у них останавливались. Он и сам приезжал с Нонной к нам в Ейск на каникулы. Мои одноклассники на меня прямо молились, что я каждый день вижу самого Тихонова. Все влюбились в него после фильма «Максимка», и наши девчонки висели на заборе, подглядывали за Славой.

Потом мама всех нас вывозила в колхоз работать. Тихонов абрикосы собирал, помидорчики, все это в ящички укладывал. Каждая бригада жила в отдельной комнате. Мы — всей семьей: Нонна со Славой, мама, я, младшие брат и сестры. Помню, нарвем душистых цветов — горошка, ромашки, разложим на полу рядочками и сверху стелем белую простыню.

И на этой постели все спим. Мама все хотела Славу куда-нибудь переселить, чтобы ему было попросторнее. Говорила: «Слав, что ты будешь в этой куче-мале...» Но он не соглашался: «Я хочу с Нонной дышать одним воздухом». Тихонов такой был счастливый в эти дни! И очень румяный от свежего воздуха, от фруктов, от кубанского изобилия. В эти годы мы стали его настоящей семьей. Он же рос в Павловском Посаде единственным ребенком в семье за высоким забором. Мама его – Валентина Вячеславовна – была очень строгой, она никуда Славу не пускала. Ему хотелось играть с мальчишками, а она говорила: «Нельзя!» И вдруг у Тихонова появилась семья, мы на него вешаемся.

Он с нами, детьми, и в казаки-разбойники мог поиграть, побегать – любил игры: и детские, и взрослые. Нонна всю жизнь дружила с Лорой Кронберг и ее гражданским мужем шахматистом Михаилом Талем. И Миша Таль, будущий чемпион мира по шахматам, охотно играл со Славой, находя его достойным партнером. А с самой Лорой он играл в покер с джокером...

Следует рассказать, как мы перебирались в Москву. Сначала уехала мама. Сказала мне: «Доченька, я под Москвой устроюсь агрономом и через годик за вами приеду». Видимо, она уже знала, что смертельно больна, ведь мама скончалась в 55 лет. Нонна, чтобы ей помочь, взяла к себе жить среднюю сестру Наташу. А младшие остались со мной, хотя мне тогда было всего 12 лет. Я их утром будила, отводила в детский сад и школу, на рынок бегала, хлеб пекла, готовила обед, на мельницу ходила, где зерно мололи, обстирывала себя и их, убиралась. И учиться успевала хорошо. Так и прожили год. Вдруг мама пишет: «Доченька, я еще не устроилась, мне негде жить, еще годик потерпи». И вот наконец она за нами приехала. Я прихожу в школу и говорю: «Отдайте мне документы, мы в Москву уезжаем. Мама за нами едет». – «Откуда едет? А где же она была?» – «В Москве». – «А сколько же вы прожили одни?» – «Два года», – говорю. Тут голос у учи-

тельницы пропал, она куда-то убежала, потом привела всех учителей, а у них слезы на глазах. А я думаю, чего они ревут, все же нормально...

Какое-то время мы прожили на съемной квартире под Павловским Посадом. Затем нам дали барак под Люберцами, и там умерла мама. И лишь потом уже нашему старшему брату Гене, он работал в КГБ, дали большую квартиру в Люберцах, мы с братом и сестрой поселились в ней. Там я окончила школу и поступила в институт в Москве. Тут Нонна мне и говорит: «Переводись на вечерний, будешь со мной в киноэкспедиции ездить». И я стала дублировать актеров на съемках, сниматься в массовках.

Летом 1964 года работа для меня нашлась сразу в трех фильмах, которые снимались в Суздале: «Метель», «Женитьба Бальзаминова» и «Царская невеста». В последнем я дублировала актрису, исполнявшую роль Домны Сабуровой. А в «Метели» не только дублировала Валю Титову в роли Марьи Гавриловны, но еще и гусара сыграла. Я же занималась верховой ездой, на лошади ездить умела. Вот мне приклеили усы, волосы убрали под кивер — и я поскакала в задних рядах среди гусар, пока конь меня не скинул...

На съемках «Женитьбы Бальзаминова» режиссер Константин Воинов меня спрашивает: «Ты проститутку сыграешь?» Я покраснела, говорю: «Нет». И он пригласил на эту роль Наталью Крачковскую. Зато я сыграла барышню в эпизоде в саду Белотеловой (роль Нонны), а еще нищенку и монахиню. Однажды я сорвала дубль. Снимали, как Бальзаминов лезет в сад через забор в костюме трубочиста. Барышням из групповки выдали разноцветные платя на кринолинах, платки, заплели косы. Я там среди прочих сижу и вышиваю на пяльцах, меня хорошо видно в кадре.

И вот по сценарию мы все должны были испугаться Бальзаминова и с визгом броситься в пруд. Подбегаем мы в этих кринолинах к берегу, и тут я вижу, что в воде полно пивяков. Говорю: «Не полезу». Но из-за того, что до этого

я уже попала в кадр, без меня эту сцену нельзя было снимать. Так что мне соорудили деревянный помост, поставили там табуреточку, на лодке меня подвезли, и я на эту табуреточку встала. И когда все прыгнули в воду, я вместе со всеми орала. Смотрелось так, будто я раньше всех прыгнула.

В этом эпизоде была сцена, которую вообще снимали 28 дублей подряд: поцелуй Вицина с Нонной. То Воинову что-то не нравилось, то у операторов шел брак. В итоге почти смену на это потратили, Вицин весь был исцарапан, так как из забора, у которого снималась эта сцена, гвоздь торчал, а лицо его в итоге стало красным от крепких Нонниних поцелуев. Вицину было уже 47 лет, помню, как он все время ходил по городу с тросточкой – репетировал. Еще он тогда йогой занимался и в перерыве всегда где-нибудь уединялся, чтобы сделать упражнения. И Воинов в рупор на весь город кричал: «Гошка, йог проклятый, ты где там опять?»

Все знали, что у Воинова роман с Лидией Николаевной Смирновой, игравшей сваху. Но хозяйкой на площадке она себя не чувствовала, напротив, режиссер часто был к ней беспощаден. Например, сцену, где она ест пироги, у оператора все никак не получалось снять, плохо работала камера, пришлось сделать 13 дублей. А я в этот момент работала реквизитором и бегала в пекарню докупать эти пироги. В итоге 13 кусков пирога Лидия Николаевна съела, ей потом очень плохо было. А Воинов еще и кричал на нее при этом. Как режиссеры порой издеваются над теми, кого они любят...

На съемки фильма «Женитьба Бальзаминова» Нонна приехала с Борей Андроникашвили, своим гражданским мужем, который был ее на девять лет моложе. Он очень любил Нонну, называл по-грузински «Богиня». А она его за глаза называла «Князь»: он действительно был княжеских кровей, его мать происходила из рода грузинских князей Андроникашвили, и Борис взял ее фамилию, а не отца – репрессированного писателя Бориса Пильняка.

Долгое время дома у нас была идиллия, Боря с Нонной прожили шесть лет. Он очень любил Володю, приучил его читать. Я сама перечитала очень многое из Бориной библиотеки, и Нонна тоже, так мы самообразовывались. У нас в доме было очень интересно жить, и все было бы хорошо, если бы только Борис еще и деньги зарабатывал... Он всё сценарий писал, да так и не дописал. И при этом он Нонну страшно ревновал. Однажды на каком-то банкете после успешной сдачи фильма в Госкино кто-то из мужчин по-дружески похлопал Нонну по щеке. Две недели Андроникашвили потом ее мучил. Уж очень темпераментный был: прибежал домой белого цвета, сел, потом снова бежал на улицу, метался как зверь, опять возвращался, все думал, может, ее кто-то подвезет и он их застанет вместе. У них в комнате сервант стоял зеркальный, и я, когда пробегала по коридору, в его отражении через открытую дверь видела все Борины мучения. Но если ты женщину любишь, так сделай для нее хоть что-то. Ничего! И вот однажды приходит Нонна в Дом кино и встречает свою подругу — Люду Хитяеву в шикарной шубе. А у той был гражданский муж — гонщик, который хорошо зарабатывал. Нонна на Люду посмотрела и в первый раз задумалась о том, что содержит мужчину, который обожает банкеты, вечеринки с друзьями, а ни копейки в дом не приносит.

Сама-то Нонна постоянно ездила на гастроли от Бюро пропаганды, зарабатывала деньги, таскала с собой коробки пленки с фрагментами из фильмов, «колеса», как она их называла. Кормила и поила всю семью. И вот стоило ей уехать, как Боря вставал с дивана, собирал пивные бутылки, которые до этого копил, и бежал сдавать, а потом куда-то исчезал на пару дней. Я думала поначалу: не буду вмешиваться, а потом не выдержала и Нонне об этом рассказала. И она опять задумалась. И потихонечку стала его отдалять от себя, а потом резко сказала: «Всё, уходи!»

К сожалению, своего женского счастья Нонна так и не нашла. Слава Тихонов, хоть по характеру был и слабоват для нее, во всяком случае был хорошим семьянином, все нес в дом. Но Нонна тогда была молодая и не оценила, лишь потом пожалела о Славе, когда попробовала строить жизнь с другими. Хотя сестра и считала, что Тихонов ее по-настоящему никогда не любил. Не знаю, мне так не кажется.

Расскажу про один ее несостоявшийся роман, о котором никто не знает. Были мы с ней в киноэкспедиции картины «Возврата нет», а там играл Владислав Дворжецкий. Жили в провинциальном летнем пансионате, который находился на берегу реки Северский Донец. Помню проявления огромной народной любви к Нонне на тех съемках. Вот подъезжает к нашему домику трактор с прицепом. Я, как всегда, во дворе что-то готовлю (печь стояла прямо на улице).

Меня спрашивают: «Здесь Мордюкова живет?» — «Да, в этом доме». — «Ну, тогда здесь разгружаем». И начинают из прицепа выгружать арбузы, целую гору! Нонна с Владиславом возвращаются со съемок, а тут их уже арбузы ждут. В другой раз мужики тащат лодку из реки и кричат: «А Мордюкова тут близко живет?» Я говорю: «Да, вот здесь». Они мешок раков вываливают передо мной. Я — в ужасе! Хорошо, как раз у Дворжецкого был перерыв, и мы с ним давай этих раков собирать, они же расползаются. Он их, помню, так ловко хватал и кидал сразу в кастрюлю.

Между Нонной и Владиславом возникла некая симпатия, взаимное притяжение. В этом же фильме снималась Татьяна Самойлова, которая была тайно влюблена в Дворжецкого. И вот однажды Нонна с Владиславом сидели в домике, она что-то рассказывала, а он все больше молчал. Но если уж что-нибудь скажет, то очень остроумно. И вдруг Татьяна Самойлова открывает окно снаружи и, как кошка, впрыгивает в комнату. Усаживается между Нонной и Владиславом. А перед диваном стоял столик, на нем какие-то закусочки, остатки обеда (я постоянно им кубанский борщ в этой экспе-

диции готовила в огромной кастрюле, вся группа мои борщи ела). И вот Самойлова упирается двумя ногами в край стола и опрокидывает его, все летит на пол. Так она ревновала...

А у Нонны с Владиславом дальше симпатии дело не пошло. Поехали они однажды в соседний поселок на машине. И Дворжецкий увидел там в магазине женское платье, купил. Нонна прямо спросила: «У тебя есть дама сердца?» Он ответил уклончиво: «Ну, там...» Но сестре было достаточно, она в этом отношении очень шепетильная была, никогда не вклинивалась в чужие отношения...

Ухаживал за Нонной и молодой артист Юрий Каморный. Он ее очень настойчиво добивался. Даже комнатку снял неподалеку от нас, чтобы за Нонной следить и подкарауливать ее. Разница между ними была 19 лет, и Нонна из-за этого очень комплексовала. Помню, пошли мы все вместе в Дом кино, Нонна с Каморным рядом. И вдруг подходит к ним одна актриса и говорит: «Нонн, привет. Ой, Вовочка, как же ты вырос, какой стал хорошенький». То есть приняла Юрия за сына Мордюковой и Тихонова. Нонна своего спутника ткнула в бок: «Понял? Ты понял, что так будет всегда?!» Напрасно Юрий ее утешал: «Нонн, ну ладно тебе, поговорят-поговорят и перестанут». И вот однажды я занималась в комнате с Володей, уроки у него проверяла. А в другой комнате Нонна с Юрием выясняли отношения. Вдруг слышу: бах! И Нонна закричала. Я подумала, может быть, ваза упала. Прибегаю, а у Каморного из руки кровь хлещет. Оказывается, он принес пистолет и сказал Нонне: «Выйдешь за меня? Если ты мне откажешь, я в себя выстрелю». Она ответила: «Нет». Не поверила. Слава богу, пуля прошла навывлет, еще и дверь задела. Стали мы перекисью останавливать кровь. «Скорую» вызывать нельзя — выплывет, что в доме у Мордюковой «огнестрел». Жуткий вышел бы скандал. И неприятности брату, служившему в Германии по линии КГБ. Пришлось самим справляться. Юрий сильно побледнел, крови поте-

рял много, губа нижняя дрожит — судорога. И вдруг он говорит: «Нонна, если ты мне откажешь, я и вторую руку прострелю». Она кричит: «Все, уходи, видеть тебя не могу!» Но не выгнала в тот день, оставила у себя — куда же ему идти в таком состоянии. Рука его зажала потом, все обошлось.

Через какое-то время он нам звонит, приглашает куда-то. Нонна говорит: «Ну, давай съездим, слава богу, не к нам домой просится». Приезжаем мы на какую-то квартиру, а там из Большого театра балериночки, такие хорошенькие, молоденькие, стройные. И среди них Юра — один парень. Мы заходим, Нонна очень красивым движением скидывает шаль и говорит: «Здравствуйте, а что молчим? Давайте поговорим о том, о чем вы молчите!» И тут же еще шутку какую-то следом, и уже все смеются, обстановка разрядилась. Помню, как Юра с гордостью и восхищением говорил: «Вот видите, она какая, я же вам говорил». И повторял это весь вечер — так был влюблен мальчишка...

Последние годы Нонна очень болела. В какой-то момент попала в ЦКБ. Кто-нибудь из родственников у нее все время дежурил. Я ее спрашивала: «Нонна, скажи, что ты хочешь?» Я все время задавала ей такой вопрос. Один раз она мне сказала: «Я очень хочу прозрачные ажурные перчаточки, чтобы надевать их, когда меня в больницу кто-то навещать приходит». Я ей достала такие, хотя найти ажурные перчатки оказалось не так просто. И Нонна любила их надевать и смотреть на свои руки...

Я бесконечно радуюсь тому, что сестру помнят и любят зрители. Осенью 2017 года кубанское землячество мне вручило документ, в котором написано, что решением общественно-государственного Экспертного совета по проведению поисково-просветительской экспедиции «Имя Кубани» Нонна Викторовна Мордюкова удостоена почетного титула лауреата в номинации «Духовное имя Кубани». Она вошла в десятку лучших людей Кубани. В Ейске Нон-

не стоит памятник. Скульптор изобразил ее в том самом платье-«татьянке», в котором Нонна приехала поступать в Москву. Недалеко от него – памятник Бондарчуку. Но он поднят, на двойном постаменте, а у нее – три ступенечки, она сама на третьей сидит, а ноги ее, босые, на первой и второй расположены, и все желающие забираются к бронзовой Нонне на колени и фотографируются. Уже бронза от народной любви блестит.

Давно стало доброй традицией для брачующихся пар и гостей города – сфотографироваться с Нонной Мордюковой. Я один раз прихожу к памятнику, а на ногах ногти покрашены. Кто-то сделал Нонне педикюр. Я побежала, купила целую бутылку ацетона и давай этот лак снимать. Звоню возмущенная сестре Наташе, а она говорит: «Зачем стираешь, оставь, Нонне бы понравилось!» Тут смотрю, на колени к Нонне мужик забирается, а жена его вокруг бегаёт, фотографирует. И я, уже и так расстроенная, говорю: «Мужчина, вы же сели к женщине на колени, еще и улыбаетесь». А Наташа в трубку услышала и опять меня успокаивает: «Не гоняй его, Нонна бы довольна была!»

Хорошо, что люди помнят мою сестру, помнят и знают ее роли в кино, и смею надеяться, что действительно любят...

Людмила Мордюкова